

АЛЕКСАНДРА
ДЕВИЛЬ

ИЗУМРУДНОЕ
СЕРДЦЕ

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КЛУБ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

Харьков
2011

ББК 84.4УКР
Д25

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки и художник *Татьяна Коровина*

ISBN 978-966-14-1629-0 (PDF)

© Кравченко О. П., 2008
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2008, 2011
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2008

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗАКЛЯТЫЕ ВРАГИ

Ранней выдалась весна 1499 года в Москве. К концу апреля солнце уже пригревало почти по-летнему, бурно пробуждая к жизни траву и деревья, играя золотом лучей на куполах соборов, украсивших стольный град по воле великого князя Ивана III.

Москва, еще несколько десятилетий назад похожая на серое приземистое село в ограде детинца, теперь удивляла чужеземцев самобытной красотой и широтой. Издали она казалась еще просторнее, потому что большие сады и дворы при каждом доме словно раздвигали пространство города.

В одном из московских дворов, огражденном высоким забором, гуляли в это ясное майское утро две юные девушки — боярышня Любовь Поливанова и ее подруга Елизавета Шетнева.

Двор с садом примыкал к небольшому деревянному дому, выходившему окнами на Москву-реку. Скромно выглядела городская усадьба боярина Алексея Поливанова. Боярин был старинного рода, но до недавнего времени находился в немилости у великого князя, а потому жил бедновато, не имея ни прибыльной должности, ни доходного земельного владения. Бедность и толкнула его несколько месяцев назад отправиться в торговую поездку с купцами, сопровождавшими великокняжеского посла в Крым. На обратном пути купе-

ческий караван был атакован татарскими уланами, которые назывались еще азовскими казаками и противопоставлялись от орды рязанским и днепровским казакам. В жестокой схватке караван был потрепан, товары наполовину разграблены, а великокняжеский посол спасся лишь благодаря мужеству боярина Поливанова, заслонившего его от татарской сабли. Боярин был серьезно ранен, лечился до сих пор. Зато после несчастливой поездки Алексей Демидович вернул давно утраченное расположение великого князя. Иван III даже посылал своего постельного дьяка справиться о здоровье боярина. Сейчас все еще хворавший Поливанов лежал в опочивальне, жена его пошла в церковь, а дочь, радуясь внезапному появлению подруги, выбежала в сад.

Девушкам не терпелось поболтать наедине. Любаша знала, что Лиза расскажет ей о своем тайном сердечном увлечении, а потому заранее отослала мамку и служанок. Впрочем, у боярина Поливанова челяди было мало, и Любашу вовсе не окружал рой сенных девушек; но сейчас даже те две, что всегда были при ней, оказались помехой.

— Пойдем сядем в саду на скамейку, — предложила Любаша. — Оттуда хорошо виден двор и крыльцо, никто к нам незаметно не приблизится, не подслушает.

Две тонкие девичьи фигурки в ярких сарафанах замелькали между деревьями, окутанными нежной молодой зеленью.

Любаша была чуть выше и стройнее подруги. Ее шелковистые волосы, отливавшие червонным золотом, спускались по спине свободной, не туго заплетенной косой. Большие зеленые глаза под темными ресницами радостно искрились на весеннем солнце. Едва усевшись на скамью, она с нескрываемым любопытством повернулась к подруге, предвкушая интересный рассказ.

Лиза, дочь купца Николая Шетнева, пользовалась в повседневной жизни большей свободой, нежели боярышня По-

ливанова, которой, как всем знатным девушкам, полагалось жить замкнуто, взаперти. И, хотя самой Любаше этот обычай был не по душе, она свято исполняла законы теремной жизни, внушенные ей мамкой, священником и добрыми, но слишком набожными родителями. Лиза, смышленная и подвижная купеческая дочь, была для Любаша не просто подругой, но и незаменимым источником городских новостей, из которых умела выбрать самое интересное. Ни родители, ни мамка, ни дворовая челядь, конечно, не шли ни в какое сравнение с неутомимой рассказчицей и хохотушкой Лизой.

Впрочем, сейчас подруга Любаша была несколько смущена и, перебросив на грудь свою длинную русую косу, принялась то расплетать, то заплетать ее конец.

— Ну, что ты молчишь? — поторопила Любаша. — Рассказывай, пока никто нам не мешает. А то ведь, когда матушка вернется из церкви...

— Не знаю, как и начать, — вздохнула Лиза и мечтательно посмотрела вдаль своими круглыми серо-голубыми глазами. — Может, это и грех, но, кажется, я влюбилась. Да не кажется, а теперь уж точно знаю. Говорят, не положено девушке засматриваться на парня, если он ей не жених, но я не просто засмотрелась, а думаю о нем беспрестанно уже целую неделю и даже два раза видела его во сне...

— И кто же он? Где ты его повстречала? — удивилась Любаша; ведь сама она только издали, в церкви могла увидеть молодых мужчин, к которым подходило бы слово «жених».

— Ох, подружка... Не суженый он мне, я точно знаю... И не только потому, что он родовитый боярин, а я купеческая дочь. Не это меня гнетет. Чует мое сердце, что другая его уже присушила, а на меня он и не глянет...

— Да быть того не может, чтобы не глянул! — возмутилась Любаша. — Ты ведь такая хорошенькая! А как этого спесивого боярина зовут?

— Он не спесивый, а очень даже скромный. Вот дружок его князь — гордец, каких мало. А этот парень добрый, благодетельный... но только мне его никогда не заполнить.

— Да кто же он, скажи наконец?

Но в этот миг истошные женские вопли раздалась со стороны ворот и заставили девушек вздрогнуть, отвлечься от интересной беседы. Разом вскочив со скамьи, Лиза и Любаша кинулись на этот звук, к которому теперь пришивался шум на улице, отделенной от боярского двора высоким забором. Навстречу подругам бежала Любашина мамка Пелагея Кондратьевна. Глаза у нее были совершенно безумные, платок сбился со лба, открыв растрепанные сидящие волосы. Боярышня никогда не видела свою мамку такой перепуганной, и сама не на шутку испугалась.

— Там... там... — кричала Пелагея, показывая дрожащей рукой в сторону улицы, — там разбойник этот... боярин Голтеев со своими холопами... невинного человека бьет, а заступиться некому. Любашенька, попроси своего батюшку, чтобы приказал дворовым заступиться! Они же без приказа не осмелятся против Голтеева пойти!..

Мамка хватала боярышню за руки и с мольбой заглядывала ей в глаза.

— Батюшка спит, он хворает, — растерялась Любаша. — Давай я сама прикажу.

— А что там за человек, о котором ты просишь? — спросила Лиза и кинулась к забору, к тому месту, где доска была прибита некрепко и можно было, ее отодвинув, взглянуть на улицу.

Любаша хотела бежать к воротам, желая как-то вмешаться в события, но мамка ее остановила:

— Нет, голубушка, нельзя тебе на улицу, не положено! Лучше разбуди батюшку, попроси... А тебе нельзя со двора...

В Пелагее страх за избиваемого человека боролся с рабски усвоенной подчиненностью обычаям. Боярышня по-

няла, что человек, о котором ее мамка так беспокоится, — не простой прохожий. Любаша и сама растерялась не меньше Пелагеи, но тут раздался звонкий голос Лизы:

— Теперь Власу Голтееву не поздоровится! Появился его заклятый враг!

Любаша кинулась к забору и стала рядом с подругой, наблюдая через дыру между досками за уличным сражением. А Пелагея вместе с двумя дворовыми слугами выбежала за ворота, чтобы находиться поближе к событиям.

Картина, которая открылась взору Любаши, заставила содрогнуться девушку, редко выходившую за пределы боярского двора.

Прямо посреди улицы, где размокшая от весенних дождей земля наплывала на доски старой деревянной мостовой, четверо дюжих парней, окружив одного человека, били его кулаками, пинали ногами, хватили за одежду и тащили за собой. Рядом стоял высокий стройный молодец в богатой одежде и, подбоченясь, спрашивал у избиваемого бедняги:

— Что, Родя, вспомнил теперь, чей ты холоп?

Но человек, названный «Родя», хоть и не стоял уже на ногах, из последних сил отбивался и упирался, не желая уступать насилию и следовать за своими обидчиками.

Между тем с глухого конца улицы, где по ночам сторожа ставили рогатки, быстро приближалась компания, тоже состоящая из пятерых молодых мужчин. По одежде трое выглядели боярами, а двое — простыми людьми. Тот, кто возглавлял небольшую ватагу, крикнул, приближаясь к драчунам:

— Эй, Влас Голтеев, убери своих холопов подальше! Ты по какому праву схватил моего оружничего?

Статный молодец, заправлявший избивением, был явно раздосадован приходом противника, но, стараясь этого не показать, с усмешкой спросил:

— Что я слышу? Максим Раздольский сделал своим оружничим моего природного холопа Родьку Кочевина?

— А что ж ты не заботился о своем холопе, когда он пять лет назад во время битвы попал в плен к татарам? — вопросом на вопрос ответил Максим Раздольский.

— Всех холопов выкупать — денег не хватит, — заявил Влас Голтеев. — Я ведь не заезжаю¹ чужие имения, как твой отец.

— Моего отца не тронь! Он получил свои земли за верную службу, за то, что кровь проливал в бою с татарами. И оружничего моего не тронь. Он по закону уже не холоп.

— Это по какому же закону? — подступил к противнику Влас, гневно сверкая глазами.

Они стояли друг против друга, схватившись за рукояти своих сабель, — оба молодые, рослые, плечистые, темно-волосые, в боярских полукафтанных с высокими воротниками, в коричневых сапогах. Только лица их были совершенно разными, не имевшими малейшего сходства ни в чертах своих, ни в выражении. Лицо Максима отличалось мужественной, чуть грубоватой лепкой и было скорее привлекательным, чем красивым; серые глаза его блестели из-под черных ресниц и бровей, как два стальных клинка. Влас мог считаться красивым, но тонкие губы и хрящеватый нос придавали его лицу нечто хищное, и это впечатление усиливалось из-за быстрого, искоса бросаемого взгляда глубоко посаженных желтовато-карих глаз.

— По какому закону? — переспросил Максим голосом, в котором ощущалась скрытая ярость. — Да по тому, который записан в новом Судебнике. «Если холопа полонит рать татарская, а он выбежит из плена, то свободен и ста-

¹ Заезжать (от «заезд») — здесь: оттеснение членов старых фамилий новыми выходцами (в основном бывшими Рюриковичами и Гедиминовичами), поступавшими на службу к московскому князю.

рому господину не холоп». Правильно я говорю, Игнатий? — Максим оглянулся на одного из своих спутников.

Игнатий, сутулый молодой мужчина с рыжеватой бородкой, молча кивнул. Тут же и третий товарищ Максима — стройный, светловолосый, с простым и приятным лицом, подошел к спорщикам и добавил:

— Уже третий год, как действует этот Судебник, а ты, Влас Голтеев, словно и не слыхивал о нем. Для тебя государственные законы не писаны?

— Еще ты, Никитка-святоша, будешь меня поучать, — проворчал Влас. — Знаем мы, кто государю эти законы подсовывал. Дьяк Гусев, который с Федором Курицыным и другими еретиками заодно.

— Все слышали? — крикнул Максим, оглядываясь на скопление быстро набежавших зевак. — Влас Голтеев не уважает законы великого князя! Считает, что Судебник Московского государя составлен еретиками!

— А ты еретиков защищаешь, потому что с Курицыным дружил! — в запальчивости крикнул Влас. — Да только где теперь твой всемогущий дьяк, а? Может, уже в аду? Ты тоже скоро там будешь, самозванный князь, ушкуйник¹ приبلудный!

— Скорее тебя там ждут, завидующий Лука Колоцкий! — парировал Максим. — Хватит уже тебе грабить чужое добро. Своего оружничего я в обиду не дам. Эй, ребята! — оглянулся он на спутников.

Дальше началась настоящая битва. Любаша даже на мгновение зажмурила глаза, испугавшись мелькания сабель, палиц и кулаков. Крики дерущихся, шум стоявшей поодаль толпы зевак, лязг оружия, пронзительный жен-

¹ Ушкуйник — вольный человек, совершавший набеги с вооруженной дружиной и промышлявший по Волге на ушкуях — больших ладьях с парусом и веслами.

ский визг — все смешалось воедино. Любаше очень хотелось, чтобы победила сторона, желавшая освобождения бывшего холопа Родиона, который, очевидно, был чем-то дорог ее мамке Пелагее. Девушка внимательно следила за сражением и едва удержалась от радостных восклицаний и хлопанья в ладоши, когда увидела, что князь Раздольский побеждает боярина Голтеева.

Потом громкий свист и чей-то пронзительный окрик: «Окольничий великого князя!» заставил Власа Голтеева встрепенуться, и он, сделав знак своим людям, тут же вместе с ними исчез с улицы, уступив предмет спора противнику.

Родион Кочевин при поддержке одного из слуг князя, шатаясь, поднялся с земли. Лицо его, перепачканное кровью и грязью, напоминало чудовищную маску. К несчастному тут же с криком подскочила Пелагея, стала вытирать ему лицо своим белым платком и, плача, обратилась к Максиму:

— Прошу тебя, князь-боярин, оставь этого бедного человека у нас, пусть хотя бы передохнет и наберется сил. Я перевяжу ему раны, а потом он вернется к тебе.

Любаше интересно было узнать, что ответит молодой боярин на просьбу Пелагеи, да еще она хотела бы увидеть окольничего, который так испугал Власа Голтеева. Но, увы, в следующее мгновение подругам пришлось покинуть свой наблюдательный пост, потому что у них за спиной раздался строгий голос боярина Поливанова:

— Разве пристало благочестивым девушкам подсматривать за уличными драками?

Любаша и Лиза оглянулись, неохотно отрываясь от интересного занятия. Алексей Демидович, все еще слабый и бледный после болезни, стоял, опираясь на руку своего старого верного слуги Касьяна. Рядом, лукаво улыбаясь, топтался новый ключник боярина — подвижный и креп-

кий для своих пятидесяти лет мужичок по прозвищу Хвост. Алексей Демидович познакомился с Хвостом во время злополучной поездки в Крым, а по возвращении домой нанял этого одинокого и расторопного торговца управлять своим городским именем.

— Не сердись, батюшка, мы ведь ничего плохого не сделали, — растерялась Любаша.

— И все же лишний раз выглядывать на улицу не надо. Ты, дочка, не подумала о том, что тебя могли увидеть посторонние люди. А злые языки всегда наготове, чтобы обвинить девушку в нескромности.

— Да никто даже не смотрел в мою сторону. Все были заняты дракой. — Любаша вдруг почувствовала легкую досаду из-за того, что не успела попасть на глаза молодым боярам, особенно Максиму Раздольскому. — А мне стало жалко Пелагею Кондратьевну. Уж очень она тревожится из-за бедняги, которого избивали холопы этого... Власа Голтеева. Я даже хотела тебя разбудить, чтобы ты распорядился помочь несчастному, но тут к нему на выручку пришли...

— Тут князь Максим Раздольский появился, — перебивая Любашу, вставила Лиза. — А с ним — его друзья Никита Числов, Игнатий Засекин... Если бы не они, холопы Голтеева могли бы насмерть прибить того беднягу.

— А что там за бедняга, из-за которого сыр-бор? — удивился боярин.

— Сейчас узнаю! — Хвост проворно кинулся к воротам. Он казался очень услужливым, но боярышня все же питала к новому ключнику недоверие по той причине, что его почему-то недолюбливала Пелагея.

Через несколько мгновений со стороны ворот раздались крики: Хвост не хотел пускать во двор избитого Родиона Кочевина, а Пелагея слезно просила пустить, уверяя, что боярин и боярыня не откажут ей в такой милости, как помощь пострадавшему. Любаша и Лиза тут же устреми-

лись поддержать сердобольную мамку и вынудили бдительного ключника отступить.

Лиза, с сочувствием оглядев Родиона, пообещала Пелагее принести целебный бальзам, который недавно ее отец купил у немецкого лекаря. Родион поднял на девушку заплывшие от синяков глаза и тихо прошептал разбитыми губами слова благодарности.

В сопровождении Касьяна подошел Алексей Демидович, спросил Пелагею, указывая на Родиона:

— Кто таков этот человек и почему ты о нем так печешься?

— Прости, батюшка-боярин, — запричитала мамка, — окажи милость, разреши мне поухаживать за ним. Это племянник мой Родя. Он был в татарском плену, потом бежал, теперь вольный человек, служит князю Раздольскому. А Влас Голтеев до сих пор считает его своим холопом.

— Не знал я, Пелагея, что у тебя такие родственники, — слегка нахмурился боярин. — Мне это совсем некстати. Раздольский с Голтеевым — заклятые враги, и между ними лучше не становиться. Пусть бы твой племянник шел к своему хозяину, а у нас здесь не приют для раненых.

— Только на несколько часов, благодетель наш, только чтобы раны его обмыть и перевязать, — со слезами на глазах попросила Пелагея. — Ради Христа, прошу тебя, разреши... Он здесь не задержится. Князь Максим Данилович пришлет своих людей, чтобы доставили Родиона к нему в дом.

— Ну, хорошо, — со вздохом согласился боярин. — Только ненадолго. Ни к чему мне вмешиваться в распри этих молодцев. Хватит с меня своих невзгод.

Когда пострадавшего увели в сени, Лиза собралась идти к себе домой за бальзамом, но Любаша ее остановила, предложив послать к купцу Шетневу одного из своих дворовых слуг. Боярышне не хотелось отпускать подругу, ибо она горела желанием обсудить необычное происшествие,

благодаря которому ей довелось увидеть сразу столько интересных людей.

Когда девушки наконец уединились возле садовой скамьи, Любаша нетерпеливо спросила:

— Ну, расскажи, ты встречала их раньше? Они в самом деле заклятые враги, эти... Максим Раздольский и Влас Голтеев?

— Да, это все знают, — кивнула Лиза. — Но великий князь, говорят, недавно осерчал, что его храбрейшие молодые бояре враждуют между собой, и решил их помирить. Велел князю Раздольскому посватать Ульяну, сестру Власа Голтеева.

— И что же? — спросила боярышня, широко распахнув свои огромные глаза цвета изумруда или морской волны, пронизанной солнцем.

— Не знаю. Наверное, Раздольскому пришлось подчиниться. Во всяком случае, Ульяна готовится к свадьбе. Жена голтеевского ключника иногда ходит к нам за товаром, так вот она рассказывала, что Ульяна прямо из себя выпрыгивает, так ей хочется выйти замуж за князя Раздольского. Вообще ходят слухи, что этот Максим Данилович для баб и девок — сущий яд. Уж не знаю, чем он их привораживает, ведь гордец и нахал, каких мало. Правда, говорят, он храбрый воин, но ведь жить-то не с воином, а с человеком, верно? В общем, я не понимаю тех женщин, которые бегут за Раздольским, едва лишь он поманит их пальцем. А мне вот гораздо больше по сердцу его друг. — Лиза мечтательно посмотрела вдаль и улыбнулась. — Пусть он с виду простой и непримечательный, зато сразу чувствуешь, какая у него добрая, светлая душа.

— Так это о нем ты мне хотела рассказать? — догадалась Любаша. — Ты, значит, влюблена в друга боярина Раздольского? А сегодня он был рядом с... с Максимом Даниловичем?